

обвиняет жертву в поведении, которое свойственно ему самому. Как следствие – человек начинает оправдываться и переключает внимание с газлайтера на себя.[3]

б) Агрессия и враждебность. Газлайтер всегда находится в наступлении. Его любимый способ защиты – нападение. Например, если заподозрить такого человека в измене, он обвинит вас в патологической ревности, низкой самооценке и неуверенности в себе. А если предъявить ему доказательства – станет агрессивным.

Кроме того, газлайтер стремится принизить успехи и достижения своей жертвы. Фразы-маркеры: «В твои годы я уже давно это умел», «Ничего особенного», «Все так могут», «А ты попробуй сделать быстрее/качественнее». Его задача – заставить жертву чувствовать себя неполноценной [1]. Газлайтер влияет на жертву постепенно, это насилие может длиться годами. Жертва не понимает, что близкий человек способен причинить зло, поэтому не всегда замечает манипуляции.

В заключении, хотелось бы сказать: не стоит терпеть психологическое насилие и при малейшей возможности обрывать все связи и отношения с манипулятором. При психологических манипуляциях нередко страдает не только ментальное здоровье, но и физическое. Наш организм устроен таким образом, что все психологические проблемы он проецирует на наше физическое состояние, от чего жертвы начинают чаще болеть. Так наш мозг пытается предупредить нас о возможной опасности. Надо быть увереннее в себе и не поддаваться власти манипулятора.

Список литературы

1. Смирнова У. Как понять, что вы имеете дело с газлайтером, цель которого – заставить вас сомневаться в себе? И что делать, чтобы защититься от его манипуляций? Режим доступа: <https://style.rbc.ru/life/604f05fe9a79477b66054b35>

2. Горбунова А. Газлайтинг: что это такое и как бороться с этим видом психологического насилия: URL: <https://informburo.kz/cards/gazlayting-что-это-такое-и-как-боротся-с-этим-видом-психологического-насилия.html>

3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: «Алгоритм», 2009. 864 с.

4. Карпова Д.В., Аминов Т.М. Педагогические идеи К.Д. Ушинского и современное воспитание / Духовный мир мусульманских народов Евразии. М. Акмулла – великий башкирский просветитель XIX в. XIV Акмуллинские чтения: мат-лы респ. науч.-практ. конф. Т. 1. Уфа, 2019. С. 285-289.

УДК 340.12

В.С. Минлебаева, С.М. Шуринова, П.Д. Симашенков
V.S. Minlebaeva, S.M. Shirinova, P.D. Simashenkov

Самарский университет государственного управления «МИР»
Самара, Россия
Samara University of Public Administration "MIR"
Samara, Russia
pavel.simashenkov@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ LEGAL IDEOLOGY IN THE MODERN WORLD

Аннотация. Статья посвящена анализу идеологического компонента правосознания. Правовые идеи придают смысл и вес оценочным критериям в юридических нормах, развивают правовую интуицию, которая выше догматического знания и бюрократического крючкотворства. Идеология насыщает юридическую форму гуманистическим содержанием. Приверженность идеалам не выхолащивает мышление юристов до конструкций и алгоритмов. Правовая гармония видится авторам в сочетании идейного максимализма с юридическим минимализмом.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the ideological component of legal consciousness. Legal ideas give meaning and weight to evaluative criteria in legal norms, develop legal intuition, which is higher than dogmatic knowledge and bureaucratic chicanery. Ideology saturates the legal form with humanistic content. Adherence to ideals does not emasculate the thinking of lawyers to constructs and algorithms. Legal harmony is seen by the authors as a combination of ideological maximalism and legal minimalism.

Ключевые слова: правосознание, идеология, теория права, нравственность, социальная этика.

Keywords: legal awareness, ideology, theory of law, morality, social ethics.

Актуальность темы во многом определяется кризисными явлениями, которые в пору именовать уже не девиациями, а откровенными патологиями правосознания: от

гипертрофированного правотворчества до редуцированного правоприменения. Корень зла, по нашему мнению — в ханжеском отношении к идеологии: слово это помечено "советский бэкграундом", а потому осмысливается преимущественно в негативно-критиканском ключе, малоотличимом от незатейливого правового нигилизма. Корректировать и сдерживать самовоспроизводство законодательства призвана идеология; в этом миссия, а вовсе не функция, как полагают исследователи, анализирующие сей феномен в духе теории Р. Мертона [2]. Грешно развивать "функционал идеологии" и пользоваться ее в интересах политики — хотя бы оттого что правовая идеология не может быть сочинена или разработана "под ключ"; она неслиянна и нераздельна с правом интуитивным [6] и позитивным.

По большому счету, идеология есть деятельное воплощение правовой доктрины, в идеале между ними должен стоять знак равенства. Высокий уровень правосознания достигается лишь руководящим принципом, без которого оно деградирует до житейской сметки. Следовательно, идеология выше правосознания, но не надстройка, а его творец. Во многом ошибочными представляются нам попытки ограничить "сферу влияния" идеологии правовой политикой, сводя ее к субъективно-тенденциозному упрощению действительности или, наоборот — к систематизированным рационально-теоретическим представлениям о праве.

Сторонники подобных взглядов склонны игнорировать или недооценивать синкретический характер идеологии, благодаря которому та обладает мощным профилактическим потенциалом [4]. Правовые идеи живы более установками, нежели формулами, их аксиоматика регулирует без регламентации (т.е. не устанавливая и не запрещая), ибо призывает не допускать — и тем самым способствует предотвращению произвола. Идеология придает смысл и вес оценочным критериям в юридических нормах, развивает правовую интуицию, которую мы ставим гораздо выше догматического знания и бюрократического крючкотворства. Мировоззренческие установки не клишированы — стало быть, не формируют предубеждений. Идеология вовсе не стандартизирует общественные отношения, упрощая до процедур и алгоритмов; стереотипы — скорее следствие девиаций правосознания. Идеологический подход помогает не утратить чувство реальности, когда общее видение ситуации искажено мельтешением эпизодов правовой действительности, эту реальность маскирующих. Значит, идеологией совершенствуется и юридическая техника, очищаясь от плевел политриторики. Скажем больше: лишь в пространстве правовых идей возможно если не устранить, то сгладить противоречия, изначально встроенные в юридический механизм.

Во-первых, баланс между правом-привилегией и правом-гарантией, т.е. вопрос субъектности и субъективизма в осуществлении прав. Право всегда охраняет, о(т)граничивая и тем самым упорядочивая отношения пределами их реализации. В конечном счете, оно есть утилитарная (и не самая удачная) попытка решить вопросы о равенстве — путем формального уравнивания и административного выравнивания [7]. Сила запретов в категоричности, поэтому излишняя их детализация разлагает правосознание до формулы "нельзя, но если очень хочется, то можно". Полагаем, ограничения нужно минимизировать, однако трактовать надлежит максимально широко — сообразно правовым идеалам.

Во-вторых, запрет на злоупотребление правом — как вектор самоупражнения и самоотрицания. Логично предположить, что данное ограничение предполагает нечто сверхлегальное, пребывающее вне коллизий и оттого способное их разрешить. В этой связи важно подчеркнуть: ценностью почитается Справедливость, коей надлежит господствовать при посредстве права [3]. Идеология (в т.ч. и не позитивированная) утвердительно отвечает на вопрос "возможна ли справедливость в государственно организованном обществе" — стало быть, призвана вселять веру в торжество правды и законности. Значит, идеология нацелена главным образом на правоприменителей, особенно правоохранителей. Элитарный характер ей не присущ: она массовая, но под ее юрисдикцией — "слуги народные", государственные и муниципальные служащие. Таким образом, главное предназначение правовой идеологии есть культивирование нравственного чувства в мышлении и поведении госслужащих. О правосознании же — в любой его ипостаси (научное, профессиональное, обыденное) — вернее говорить применительно к людям, властью не облеченным.

В-третьих, разграничение популизма и публичности, ибо публичный интерес и общественное благо далеко не всегда совпадают [1]. Ген популизма в правовом архетипе отвечает за "понимабельность и исполнибельность", в противном случае общеобязательность норм утратила бы смысл. Однако сие не должно восприниматься как шанс шоуменам от

политики "быть в ресурсе", штампуя абсурдные законопроекты и делая безответственные заявления на потребу ожесточенным злобой дня. Нам представляется, что демократию давно пора осмысливать не как полит-клише или популистско-эгалитарную декларацию. С мировоззренческих позиций, вера в общие ценности, скрепленная духом нации — вот в чем принцип демократизма. У народа с властью должно быть согласие, оно есть основа доверия к политико-правовому курсу.

В идеологическом претворении решаются ключевые и взаимосвязанные проблемы права — вопросы равенства и справедливости. Политике имманентен релятивизм, а потенциал права деструктивен и состоит в умении задавать вопросы, а не находить ответы (как, скажем, в истории или философии). Право действительно перманентным само-ограничением, именно в нем выражается "prudentia" (досл. благоразумие, осмотрительность). По этой причине юриспруденция не проактивна, в отличие от идеологии (особенно непозитивированной и неполитизированной), которой под силу гармонизация гуманитарного и социального аспектов юриспруденции. Идеология ставит вопрос шире — о моральном праве поступать так, а не иначе. Нравственный перфекционизм всегда предъявляет повышенные требования к культурно-образовательному уровню служителей закона, формируя тем самым их моральный облик (не имидж!) Приверженность идеалам не выхолащивает мышление юристов до конструкций и формул. Градус правосознания поддерживается в большей степени живительной силой личного примера, нежели курсами юридической грамотности.

Итак, в отличие от публичной политики и тенденциозного популизма, идеология демократична ipso facto: правоприменители исповедуют те же идеалы, что и народ, а не какие-то мета-юридические конструкты наподобие "диктатуры закона" или "правовых вызовов". Общностью мировоззренческих установок поддерживается постоянство внутренней среды государства, обеспечивая его суверенитет и социальный гомеостаз. Нормы Конституции объективируют правовую идеологию, однако не исчерпывают и не подменяют, поскольку и статьи Основного закона нуждаются в мировоззренческой репрезентации. Власть не может самоустраниться от функции обеспечения прав граждан: даже признавая естественный характер их происхождения, гарантирует осуществление прав только государство — в противном случае воцарится анархия, сдерживаемая обычаями кровной мести.

Таким образом, назрела насущная необходимость переосмыслить миссию правовой идеологии и вернуть ей былую значимость. Правовая гармония видится нам в сочетании идейного максимализма с юридическим минимализмом. Социально-этические требования закрепляют недопустимость (профилактический компонент), а правоприменение заботится о недопущении (компонент процессуально-превентивный). Позитивное право, не говоря уже о юридических реалиях, не просто вырастает из идеологии — ему потребно до нее дорасти. Идеология насыщает юридическую форму гуманистическим содержанием, облагораживая правовую догматику [5], смиряя бюрократию императивом нравственности, стоящим выше даже верховенства закона. Мы убеждены: перспектива права в архаизации, а его социальная ценность - в идеологии.

Список литературы

1. Золтан П. О некоторых чертах доктрины «возрожденного» естественного права // Критика современной буржуазной теории права. М., 1969. С. 126–127.
2. Клименко А.И. Дисфункции правовой идеологии и их причины // Вестник Московского института МВД, 2015. №12. С.139–147.
3. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977. 203 с.
4. Мельников В.Ю. Формирование правовой идеологии государства // Инновационная наука, 2016. №1. С. 133–134.
5. Михайлов А.М. Правовая идеология и правовая догматика // Genesis: исторические исследования, 2017. №1. С. 31–52.
6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
7. Симашиенков П.Д. Антикоррупционный форс-мажор на государственной службе // Кадровик. 2019. № 3. С. 35-44.